

Библиографический список

- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы. М., 2006.
- Голан А. Миф и символ. Иерусалим, М., 1994.
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач А.Д. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента // КСИА. М., 1966. Вып. 107.
- Дэвлет М.А. Изображения серег на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963.
- Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Ожередов Ю.И. Семантика изображений на одном средневековом зеркале из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010.
- Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч. Археологический комплекс на перевале Давдаг-Кутул в Западной Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул, 2010.
- Ожередов Ю.И., Ожередова А.Ю. Гравированная «кукла» из Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. Барнаул; Омск, 2015.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950 (МИА. №18).
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ. Т. III, вып. 2. 1927.
- Тишкин А.А., Ожередов Ю.И. Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан: Гуманитарные науки. 2010. №4.
- Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1896. Кн. IX, ч. II, вып. I.
- Шнейдер Е.Р., Грязнов М.П. Древние памятники Минусинских степей. МЭ. Т. IV, вып. 2. 1929.
- Pohl Ernst. KAR-2, Catalogue of Artefacts I: Processed Bones (with Faunal Analysis by Angela von den Driesch and Joris Peters // Mongolian – German – Karakorum expedition. Wiesbaden, 2010.

УДК 903.27(571.54/.55)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.48

А.Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

СРЕДНЕВЕКОВАЯ «ЛАКУНА» В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЯ

В статье отмечается отсутствие в Западном Забайкалье памятников наскального искусства хуннского времени и крайняя редкость объектов средневековой эпохи. Обосновывается невозможность объяснения этого факта слабой изученностью региона в отношении наскального искусства. Причины такой необычной ситуации на фоне центральноазиатского и южносибирского регионов, где хорошо известны петроглифы указанных эпох, объясняются исходя из особенностей культурно-исторических и этнокультурных процессов в регионе западнозабайкальских степей на протяжении бронзового, раннего железного веков, хуннского и средневекового времени. Антропологическая преемственность хуннского населения региона от носителей культуры плиточных могил, а затем от хунну к населению средневековой раннемонгольской культуры может указывать на сохранение этнической основы на протяжении этих эпох. С продолжением этнической преемственности могла сохраняться преемственность от поколения к поколению в почитании родовых святынь, основанных в эпоху бронзы, составной частью которых являлись петроглифы селенгинского типа.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы селенгинского типа, эпоха Средневековья, преемственность, этнокультурные процессы

Южное Забайкалье является одним из регионов Северной и Центральной Азии, в котором с глубокой древности развивалось самобытное направление наскального искусства. Одной из его особенностей является техника нанесения рисунков на скаль-

ную поверхность с помощью природной минеральной краски охры, преимущественно красного цвета. За эту своеобразную манеру нанесения изображений забайкальские рисунки порой, особенно в дореволюционное время и в 1940–1950-е гг., нередко назывались писаницами. Иные приемы нанесения петроглифов: выбивка, шлифовка, прочерчивание – встречаются редко. Первые из них характерны для так называемой кяхтинской группы писаниц конца бронзового и начала раннего железного века. В прочерченной манере рисунки наносились уже в самое последнее время, когда происходило затухание этого древнего вида искусства.

Основополагающий вклад в изучение забайкальских петроглифов внес А.П. Окладников [Окладников, Запорожская, 1969; 1970]. Исследования этих памятников в регионе продолжили А.В. Тиваненко [1980, 1990], А.И. Мазин [1994], академик В.И. Молодин, А.К. Конопацкий [Окладников, Молодин, Конопацкий, 1980], В.А. Цыбиктаров [2011] и др. Их усилиями было установлено, что, появившись в самом конце палеолитической эпохи [Мазин, 1994, с. 77; Цыбиктаров В.А., 2006], «охровое» наскальное искусство Забайкалья получило дальнейшее развитие в периоды мезолита, неолита и эпохи раннего металла. Расцвет же его пришелся на время существования культуры плиточных могил (КПМ) эпохи бронзы и раннего железа. Для обозначения рисунков этого времени А.П. Окладников [1949, с. 10] ввел термин «петроглифы селенгинского типа» (ПСТ), семантика которых была тесно связана со скотоводческим хозяйством ее носителей.

На рубеже бронзового и раннего железного веков, когда произошло крупномасштабное вторжение в регион носителей культуры херексуров и «оленных» камней [Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 40–42], в Южной Бурятии появились наскальные рисунки кяхтинского типа, нанесенные в технике выбивки и шлифовки [Окладников, Запорожская, 1970, с. 133–159; Цыбиктаров В.А., 2003], но они так и не получили своего развития в регионе в последующий период скифского времени.

Наскальное искусство в Забайкалье после бурного всплеска во время существования в крае КПМ фактически, можно сказать, прерывает свое развитие в хуннскую и средневековую эпоху. Среди охровых рисунков Западного Забайкалья и сопредельных с ним районов Монголии отсутствуют какие-либо более или менее крупные петроглифические комплексы, которые можно связать с культурой хунну и средневековым периодом в истории региона. В Забайкалье отсутствуют и средневековые петроглифы, выполненные в технике выбивки или шлифовки, как в Монголии и Южной Сибири, датированные тюркским временем. Известно лишь несколько единичных рисунков, которые исследователи датировали средневековым временем: Сарбадуй (охрой) в долине р. Джиды и отдельные резные композиции из Бага-Зари, Табангутского обо и Хана-Шуллуна в районе с. Усть-Кяхта на р. Селенге [Окладников, Запорожская, 1970, с. 160, 164; Тиваненко, 1990, с. 82]. Однако материалов этих памятников крайне недостаточно, чтобы вести речь о том, что традиция наскального искусства в Забайкалье в средневековую эпоху не прервалась и продолжила свое развитие. Небольшое количество средневековых наскальных рисунков в Забайкалье в конце 1960-х гг. отмечал еще А.П. Окладников [1970, с. 169]. Положение не изменилось и в начале XXI в. [Цыбиктаров, 2011, с. 211–212]. Такая ситуация выглядит необычно на фоне петроглифов хуннского и раннесредневекового (тюркский период) времени других областей Центральной Азии и Южной Сибири.

Отмеченную выше особенность нельзя объяснить слабой изученностью Западного Забайкалья в отношении наскального искусства. На протяжении длительного

времени в крае работало несколько поколений исследователей, которые вели целенаправленные поиски памятников и добились крупных успехов. В первую очередь это многолетние работы академика А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской в 1940–1950-х гг., а позже, в 1980-х гг., и их последователей, академика В.И. Молодина и А.К. Конопацкого. Ими были открыты 54 памятника. В 1970–1980-х гг. в Западном Забайкалье на территории Бурятии в течение длительного времени успешными поисками и фиксацией наскальных рисунков занимался А.В. Тиваненко. Им было выявлено 34 местонахождения. Но почти все они также относились к ПСТ (см.: [Тиваненко, 1990; Цыбиктаров В.А., 2011, табл. 3]). В связи с общим обзором изучения забайкальских петроглифов необходимо отметить, что в те же 1970–1980-е гг. в Восточном Забайкалье такие же успешные полевые исследования осуществил А.И. Мазин, которому удалось обнаружить 26 памятников (см.: [Мазин, 1994; Цыбиктаров В.А., 2011, табл. 3]). Большая их часть относилась, как и в Западном Забайкалье, к эпохе раннего металла, бронзовому и раннему железному векам, когда в регионе развивались селенгинско-даурская культура и культура плиточных могил. Конечно, со временем будут открыты и другие памятники, но они вряд ли принципиальным образом изменят выявленную исследователями 1940–1980-х гг. ситуацию. Например, в конце 1990-х гг. нами было выявлено два новых памятника недалеко от границы с Монголией в местности Старая Капчеранка и Баин-Улан в Кяхтинском районе, но они также относятся к ПСТ.

Таким образом, можно считать установленным фактом, что в Забайкалье традиция охрового наскального искусства, зародившись в самом конце палеолитической эпохи, получила свое дальнейшее развитие в последующие периоды мезолита – неолита и бурно расцвела в эпоху бронзы и раннего железа, а вот затем, в хуннское время и средневековую эпоху, продолжения не получила. Закономерно встает вопрос о причинах такой своеобразной ситуации в крае на фоне обширных центральноазиатского и южносибирского регионов, где такой же процесс характеризовался иначе, поскольку там хорошо выделяются достаточно многочисленные памятники наскального искусства хуннского и раннесредневекового времени.

Ответ на поставленный вопрос во многом связан, на наш взгляд, с особенностями культурно-исторических и этнокультурных процессов, которые происходили в регионе Центральной Азии в целом и южнозабайкальских степей в частности на протяжении бронзового, раннего железного веков и средневекового времени.

А.И. Мазин [1988, с. 21; 1994, с. 81] по материалам Восточного Забайкалья и верховий Амура в пределах Забайкальского края отметил, что начиная с эпохи раннего металла в наскальном искусстве региона четко начинают прослеживаться две группы петроглифов, резко различающиеся между собой по стилистическим особенностям: «таежные» – лесной зоны и «степные» – лесостепной зоны. Происхождение ПСТ на материалах памятников наскального искусства с более широкой территории Прибайкалья и Забайкалья было рассмотрено В.А. Цыбиктаровым. Он пришел к выводу об их формировании в среде степного и лесостепного населения Южного Забайкалья и Северной Монголии по мере становления производящего хозяйства с неолитического времени. По его мнению, в своем окончательном облике они оформились с завершением сложения экономики производящего типа с преобладанием в ней скотоводческой направленности [Цыбиктаров В.А., 2002; 2006, с. 192–201]. В эпоху раннего металла в степных районах края развивалась селенгинско-даурская культура, в ареал которой

входили сопредельные районы Северной и Центральной Монголии. В наскальном искусстве этого культурного образования появились сюжеты и композиции [Цыбиктаров А.Д., 2006, с. 174–175, 149–158, рис. 13–16], которые наиболее ярко проявились в последующую историческую эпоху в ПСТ носителей КПМ.

Генезис КПМ происходил в середине II тыс. до н.э. на основе селенгинско-даурской культуры [Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 25–26]. Поэтому неудивительно, что наскальное искусство культурных образований времени раннего металла и бронзового – раннего железного веков демонстрирует преемственность и показывает естественное развитие одного направления в нем. Сюжетно-композиционное разнообразие ПСТ во многом было обусловлено изменениями, произошедшими в хозяйственном укладе и образе жизни степного населения при переходе от эпохи раннего металла к периоду развитой бронзы – переходом к кочевому скотоводству [Цыбиктаров А.Д., 2003, с. 33–35]. ПСТ представляли собой культовые места и святилища, на которых совершались различные обряды и жертвоприношения, направленные на увеличение плодородия и численности скота, обеспечение благополучия их семей и коллективов (см. указ. соч. [Окладников, Запорожская, 1970; Тиваненко, 1990]).

С наступлением хуннского времени начался своеобразный период, образно говоря, «лакуны» в наскальном искусстве населения степей Забайкалья. В связи с этим можно привести высказанные исследователями мнения на этот счет. В конце 1980-х гг. А.И. Мазин констатировал сам факт исчезновения в Восточном Забайкалье писаниц, по его терминологии, степного стиля с рубежа эр, т.е. хуннского времени, и объяснял это предположительно перемещением их создателей на другие территории, где они вошли в состав народов, имевших отличительные черты в материальной и духовной культуре [Мазин, 1988, с. 33–34]. Однако это предположение ученый более никак не прокомментировал и не привел каких-либо фактов, доводов и аргументации для его обоснования и развернутого изложения. Позже, в 2000-х гг., объяснение этому факту дал В.А. Цыбиктаров, исходя из того, что состав хунну Забайкалья и Монголии по данным археологии и палеоантропологии был достаточно сложным и в качестве одного из компонентов в него вошло население КПМ Забайкалья и Северной Монголии. В результате население этой части хуннского государства, сформировавшееся на основе носителей указанной культуры, продолжало следовать верованиям своих предков. По этой причине хунну данного региона в качестве объектов сакрального характера продолжали почитать прежние святилища, созданные их пращурами [Цыбиктаров, 2011, с. 188–192].

Последующий период в истории Западного Забайкалья в пределах II–VI вв. н.э. до сих остается белым пятном на археологической карте региона. С VII по XIV–XVI вв. н.э. датируется раннемонгольская археологическая культура [Именохоев, 1992]. Во всех степных районах Западного Забайкалья обнаружены десятки могильников, несколько поселенческих памятников этой культуры. Но кроме рисунков средневекового времени в Сарбадуе в долине Джиды и в окрестностях с. Усть-Кяхта на Селенге других памятников так и не было обнаружено.

В Западном Забайкалье представлены археологические памятники всех эпох и хронологических периодов, от палеолита до средневекового времени, за исключением 1-й половины I тыс. н.э., а точнее между завершением хуннского времени (рубеж I–II вв. н.э.) и началом развития раннемонгольской культуры в VII в. н.э. Этот период в Центральной Азии приходится на время господства сяньби и начало возвышения

тюрков, когда в регионе возвысились государство Сяньби, а затем I и позже II Тюркские каганаты. Западное Забайкалье вошло в состав этих кочевнических государств. Но в этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в крае не известны погребения сяньби и тюрков, лишь в районе Еравнинских озер было раскопано несколько курганов с инвентарем тюркского облика [Кызласов, Ивашина, 1989], но не самих тюрков. Как бы то ни было, но Западное Забайкалье в периоды господства сяньби и тюрков являлось далекой северной окраиной их государств. Основные политические события развивались, безусловно, в глубинных районах Центральной Азии. В такой ситуации можно допустить, что в Западном Забайкалье в это время продолжали проживать, вероятно, потомки местного хуннского населения, сложившегося в свое время на основе носителей КПМ, но теперь находившиеся уже под властью сяньби. Таким же путем могло формироваться население региона и в последующий период средневековья с учетом инфильтрации в край каких-то новых этнических групп. Но ядро средневекового населения по-прежнему могли составлять местные племена – потомки западнозабайкальских хунну, проживавших в регионе в период господства сяньби в Центральной Азии.

Если исходить из высказанного предположения, то объекты сакрального характера – родовые культовые места, святилища – должны были оставаться прежними, сложившимися еще в эпоху бронзы, а затем продолжавшими функционировать в хуннское время. Передаваясь от поколения к поколению на протяжении длительного времени, они продолжали существовать и в эпоху Средневековья. Если согласиться с предложенной гипотезой, то она объясняет большое количество в регионе наскальных рисунков селенгинского типа бронзового и раннего железного веков и контрастное на их фоне практически полное отсутствие петроглифов хуннского и средневекового времени.

Для обоснования высказанной гипотезы можно привести лишь косвенные данные, которые могут указывать на возможность правильности высказанных предположений. Они касаются антропологических материалов, важность которых для установления этнической преемственности населения разных исторических периодов общеизвестна. В 1940–1960-х гг., когда появились первые обобщения по палеоантропологии региона, считалось, что хунну в Южном Забайкалье по отношению к носителям предшествующей КПМ являлось пришлым населением. Такую точку зрения высказал И.И. Гохман. Но с накоплением новых материалов он к 1980-м гг. изменил ее. Изучив их, ученый отметил, что в краниологическом материале эпох неолита и бронзы (КПМ) Забайкалья обнаружались те же краниологические варианты, которые известны в антропологическом составе хунну, чьи серии черепов происходят из могильников той же территории. В результате он пришел к заключению, что прежний категорический вывод о приходе хунну с другой территории теряет значение [Гохман, 1980, с. 29]. Его вывод получил подтверждение и последующими исследованиями в области антропологии. Так, А.И. Бураев [2006, с. 57] отметил, что потомки населения КПМ сохранили свое присутствие на территории Забайкалья в хуннское время. Впоследствии антропологический тип носителей культуры бронзового века и хунну принимал участие в формировании средневекового населения региона, что указывает на вероятную генетическую преемственность между ними [Бураев, с. 153–154, 161]. В таком же направлении антропологические процессы развивались на территории Северной, Восточной и частично Центральной Монголии [Тумэн, 1985, с. 16–20; 1992, с. 59–60]. Выводы антропологов означают, что насе-

ление КПМ Западного Забайкалья стало частью населения хуннского государства, которое позже вошло в состав средневекового населения.

Относительно рассматриваемой в статье темы, исходя из антропологической преемственности населения Западного Забайкалья с бронзового века до средневекового времени, можно предположить, что при сохранении этнической основы на протяжении этих эпох прежними оставались и их родовые святилища, составной частью которых являлись ПСТ бронзового и раннего железного веков, их почитание передавалось от поколения к поколению на протяжении длительного времени. Можно допустить, что по прошествии многих столетий семантика «селенгинских петроглифов» могла постепенно стираться из «народной памяти», но они по-прежнему могли оставаться объектами почитания, являясь наследием далеких предков.

Библиографический список

- Бураев А.И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). Улан-Удэ, 2006.
- Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сборник МАЭ. Т. 36. Л., 1980.
- Именохоев Н.В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. Новосибирск, 1992.
- Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г. Курганы средневековых тюрков в Северо-Восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.
- Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994.
- Мазин А.И. Петроглифы таежной зоны Приамурья и Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988.
- Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л., 1969.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970.
- Окладников А.П., Молодин В.И., Конопацкий А.К. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск, 1980.
- Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск, 1990.
- Тиваненко А.В. О дешифровке петроглифов бронзового века Центральной Азии // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980.
- Тумэн Д. Антропология современного населения МНР : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 1992.
- Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
- Цыбиктаров А.Д. Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003.
- Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н.э.). Улан-Удэ, 2006.
- Цыбиктаров В.А. Лесные элементы в петроглифах селенгинского типа и вопрос о генезисе селенгинских писаниц Южного Забайкалья и Северной Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ-Чита, 2002.
- Цыбиктаров В.А. О возможности палеолитической датировки раннего пласта рисунков грота Шаман-горы на границе Восточного и Западного Забайкалья (бассейн р. Хилок) // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 4. Иркутск, 2006.
- Цыбиктаров В.А. О культурной принадлежности и датировке писаниц «кяхтинской» группы Юго-Западного Забайкалья // Человек, среда, время. Чита, 2003.
- Цыбиктаров В.А. Петроглифы Забайкалья (формирование источниковой базы, историография и вопросы культурно-исторической интерпретации). Улан-Удэ, 2011.